

— Я действительно стал меньше петь, потому что считаю, что для артиста очень важно вовремя уйти. В первом же своем интервью — мне был 21 год — я сказал, что уйду со сцены раньше, чем публика попросит меня это сделать. У Пласидо Доминго в книге “Мои первые сорок лет” есть такая фраза: “Я не хочу очутиться среди певцов, про которых говорят: “Господи, он все еще поет! Да он просто себя не уважает!”

Недавно я ездил на гастроли в Воронеж. Публика принимала меня прекрасно, но я не получал удовольствия от своего пения. Слушатели не поняли, что мне как-то трудно петь. А когда я сказал, что вероятнее всего — это последняя наша встреча, возмущенно зашумели. Мне самому жаль, но я решил постепенно сокращать количество сольных выступлений. Конечно, я буду петь в некоторых праздничных концертах, но в общем-то считаю, что свое я уже спел. Я эксплуатирую голосовые связки с 14 лет. А 38 лет пения — это очень много.

— Не жалеете, что вы, певец с роскошным оперным голосом, стали эстрадной “звездой”?

— Так уж распорядилась судьба... Да я и не жалею. Опера и камерное исполнительство ставят тебя в определенные, порой достаточно жесткие рамки. Оперный певец должен быть постоянно в репертуаре, а следовательно, в хорошей форме. Классика строга и не терпит импровизации, эстрада же — свободное творчество. Я назначаю гастроли тогда, когда мне хочется петь. Одну и ту же песню всегда пою по-разному, в зависимости от настроения. И в конце-то концов ведь еще неизвестно, оказался бы я так же нужен оперной сцене, как эстрадной.

— В предновогодней передаче “Золотой шлягер” вы заметили, что последние 15 лет “золотых” шлягеров у вас не было. Почему?

— Потому что последние 15 лет я не пел новых песен. Мне хватает того репертуара, который я спел в молодости. Горжусь тем, что для меня писали композиторы Бабаджанян, Пахмутова, Фельцман, поэты Рождественский и Добронравов. И не собираюсь менять их прекрасные, вдохновенные творения на сегодняшние “скоропелки” и “быстропроходилки”. Публика ждет от меня именно те песни, которые я пел в шестидесятые годы.

— Что вы думаете о современной отечественной эстраде?

— Вообще-то я стараюсь избегать этого вопроса. Однажды Леонид Утесов сказал мне: “Муслим, я очень люблю ваши песни, они красивые, и поете вы их прекрасно. Но, согласитесь, что лучше “Легко на сердце от песни веселой” еще ничего не было!” Так вот, мне не хотелось бы сегодня разделить его образ мыслей. Есть и хорошее, и плохое. Я не очень слежу за сегодняшней эстрадой, могу только сказать, что всего много. Очень много. Очень-очень много. Особенно певцов.

— А как расценивать ваши выступления с группами “Лицей” и “Машина времени”?

— А было это так: позвонил Андрей Макаревич и попросил спеть с ним в каком-то шоу. Я очень уважаю этого прекрасного музыканта и человека, поэтому согласился, не вникая особенно в подробности. А потом, когда смотрел это самое шоу по телевизору, обнаружил за своей спиной гигантский плакат с надписью “Выбор России”. Получилось, что я невольно нарушил данное самому себе слово никогда ни за кого не агитировать. Тем не менее не жалею, что принял это предложение. Выступать с хорошим музыкантом всегда приятно. А девушек из группы “Лицей” просто попросили мне подпеть.

Кстати, уж коли речь зашла о выборе между эстрадой и классикой, выдам вам один “секрет”. Как-то ко мне домой пришел по делу один человек, увидел мою фонотеку и до крайности удивился: “Почему у вас столько записей классической музыки?” — “Потому что всю жизнь я занимался не своим делом, — ответил я. — Я люблю классику”.

В этой связи мне припомнился сейчас один разговор с признанным маэстро эстрады, дирижером Юрием Васильевичем Силантьевым. “Муслимчик, давай запишем с тобой что-нибудь серьезное”. — “Что это вас вдруг, Юрий Васильевич, потянуло на серьезное?” — “Я — эстрадный дирижер, но с детства терпеть не могу эстраду”. Ну и как вам это понравится?

— Почему вы практически никогда не выступаете в одних концертах с сегодняшними “звездами”?

— Представьте, что я выхожу на сцену после Филиппа Киркорова. Это же смешно! Я не хочу выглядеть в глазах зрителей этаким “папашей” молодых исполнителей. Согласитесь, петь песни о любви в пятьдесят лет несколько поздновато. Эстрада — искусство молодых.

Залы на концертах Муслима

Магомаева, как и прежде, полны.

Однако в последние два-три года он

стал реже появляться на эстрадных

площадках. Почему? С этого вопроса и

началась наша беседа.

МУСЛИМ МАГОМАЕВ:

Кудытура, — 1995, — 24 июня, — с. 12.
Свое я уже спел

— Вы писали для себя прекрасные песни. У вас не возникало желания писать для других?

— Нет. Я не композитор, я певец. Правда, несколько моих песен спел Иосиф Кобзон. Остальные, видимо, не решались — ведь публика невольно сравнивала бы их исполнение с моим.

— Почему в вашем репертуаре нет русских народных песен?

— Когда-то я решил спеть “Вдоль по Питерской”, спеть, как в оригинале, но с эстрадным оркестром. И сразу после исполнения посыпались упреки в том, что “влез” в сокровищницу народной песни, где новаторству совсем не место. Этим мне навсегда отбили охоту к такого рода подвигам, хотя у меня были большие планы: хотелось сделать обработки русских народных песен для эстрадного исполнения. Теперь это, конечно, уже ни к чему — вокруг и без того много до такой степени “осовремененных” песен, что порой их и не узнать.

— Ваша кинокарьера ограничивается фильмом “Низами”. Почему вы не захотели сниматься еще?

— Режиссер этой картины Эльдар Кулиев, мой большой друг, предложил мне роль Низами, сказав, что я буду первым ее исполнителем в кино. Только потому я и согласился — раз первый, значит, меня не будут ни с кем сравнивать. А вообще-то кино — это сложная и неблагодарная работа. Я не могу без конца повторять одно и то же. Даже когда я записываю в студии песню, первый дубль у меня всегда получается лучше остальных. Может, в этом виновата моя восточная лень, только когда я начинаю “лезть в дебри” и что-то переделывать, ничего хорошего из этого не выходит. Нет, я вообще не отрицаю пользу труда — некото-

рые люди усидчивостью добиваются очень многого. Но не я. Я — стихийный человек и должен все делать с первого захода.

— Расскажите о телепередаче “В гостях у Магомаева”. Чья это была идея?

— Все это было достаточно случайно. Я записал на радио несколько передач о Марио Ланца, и телевидение предложило мне начать цикл об оперных “звездах”. Я согласился, но с условием, что у меня будет собеседник, потому что не умею “вещать” в пустоту. Мне хотелось делать передачу со Святославом Бэлзой — он очень умный, интеллигентный и обаятельный человек. Переда-

ча нашла свою аудиторию и стала пользоваться популярностью, но я собираюсь закрывать ее.

— Почему же?

— Причин несколько. Во-первых, я делал передачи только о моих любимых певцах — Марио Ланца, Хосе Каррерасе, Марио дель Монако и некоторых других, говорить же о тех, к кому не лежит сердце, не хочется. А во-вторых, для передач, которые я еще намерен записать, у меня недостаточно видеоматериала. Ведь

слав, давайте сделаем так: вы будете рассказывать, а я — просто сидеть в кадре и кивать головой”.

— Вы написали книгу о Марио Ланца. У вас нет желания написать о Муслиме Магомаеве?

— Мемуарами займусь только тогда, когда станет совсем нечего делать! Если что-то напишу, то в форме небольших новелл. Хотя, по-моему, это почти бессмысленное занятие — все равно “навспоминаю” всякой чепухи, а главное упущу из виду.

той, вовсе нет. Но целый месяц лежать на пляже и читать книгу не могу. Я рвусь в город.

— Как вы думаете, вашей жене трудно с вами?

— Конечно, трудно. Так же, как и мне с ней. Но, знаете, я судьбе благодарен за то, что моя жена (Тамара Синявская. — А.Т.) оперная певица. Я могу говорить с ней о классической музыке, могу о чем-то поспорить, сделать замечание в отношении пения. Нас очень объединяет наша профессия. Иногда думаю: что бы я делал, если бы моя жена была математиком?

— Вы ревнивы?

— В молодости был ревнив до противности. Но никогда никому этого не показывал, не устраивал сцен, все держал в себе. А сейчас страсти поутихли, я стал гораздо спокойнее, да и Тамара не дает мне поводов для ревности.

— Вы никогда не хотели уехать из России?

— Хотел. Но не мог, хотя во Франции, например, мне делали очень лестные предложения. У меня здесь были родные. Дядя, который заменил мне отца, погибшего на фронте, был партийным работником, и вы вполне можете себе представить, что с ним сделали бы, вздумай я эмигрировать. Жаль было расставаться и с друзьями, родным городом Баку, куда я раньше ездил не меньше десяти раз в году... Я не смог все бросить и уехать. И сейчас не могу. Я часто бываю за границей и знаю, что там совсем другой уклад жизни. Мы привыкли ходить в гости, собираться компаниями, делиться с друзьями впечатлениями. Там люди живут более замкнуто, обособленно. Я же не из тех людей, которым все равно, где жить, была бы крыша над головой и материальное благополучие. И, хотя довольно часто мне приходилось попадать в униженные ситуации, хотя меня ругали и наказывали (тут особенно отличалось Министерство культуры), главным было то, что здесь моя Родина.

— Есть ли в вашей жизни что-то несбывшееся?

— О, очень многое. Но если бы мне пришлось начать жизнь сначала, я, наверное, прожил бы ее так же. Но отказался бы от курения...

— И, напоследок, откройте тайну: каким образом вам удавалось выступать на огромных стадионах, петь так, что каждой женщине казалось, что вы поете лишь для нее одной?

— Пел сердцем.

— Я знаю, что вы занимаетесь живописью и скульптурой. Вы рисуете “для себя”, или ваши работы когда-нибудь увидит публика?

— Только для себя! У меня один кусок глины на всю жизнь, никогда не бываю доволен результатами своей работы и сразу выбрасываю рисунки. Для того чтобы рисовать, совсем необязательно выставляться. Я, например, умею все делать по дому, но это же не значит, что я пойду в другие квартиры делать ремонт!

— Как вы любите отдыхать?

— Не выношу пассивного отдыха! Это, конечно, не значит, что я с головой загружен рабо-